

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Г.И. Герасимов

Аннотация. Теория – это система идей, объясняющая объективный реальный и субъективный идеальный мир и создающая их образы. Самой крупной теоретической системой является мировоззрение человека, именно его главные идеи определяют все остальные теоретические конструкции, включая исторические. Прошлое входит в картину мира человека, и поэтому каждое новое мировоззрение создает свой образ минувшего. Историческая теория – это идеальное представление о прошлом человечества. Исторический факт – это теоретически осмысленное историческое событие или свидетельство о нем. Теория определяет применяемую фактуру. Теория содержит в себе и набор методов, с помощью которых допускается строительство образа прошлого. Теория истории – это представление историка о прошлом. Это основные идеи, которые определяют способ восприятия исторического материала, его обработку и интерпретацию, создание образа прошлого. С позиции идеалистического подхода историография предстает не как череда заблуждений, а как вполне объяснимая смена историй, определяемая сменой объясняющих прошлое теорий.

Ключевые слова: теория в истории, идеалистический подход к истории, теория и факты, методология истории, мировоззрение, теория истории, истина в истории, теория, прошлое.

THE THEORY AND THE HISTORY

G.I. Gerasimov

Abstract. A theory is a system of ideas that explains the objective real and subjective ideal world and creates their images. The largest theoretical system is a person's ideology, it is his main ideas that determine all other theoretical constructions, including historical ones. The past enters into the picture of the world of man and therefore every new ideology creates its own image of the past.

A historical theory is an ideal idea of the past of mankind. The theory is not derived from historical facts, it is based on them, and is confirmed by them. A historical fact is a theoretically meaningful historical event or a testimony about it. The theory determines the applied texture.

The theory contains a set of methods by which the image of the past can be built. The theory of history is the historian's idea of the past. These are the basic ideas that determine the way in which the historical material is perceived, processed and interpreted, and creates an image of the past.

From the point of view of the idealistic approach, historiography does not appear as a series of errors, but a completely explainable change of stories, determined by a change in the explanations of past theories.

Keywords: theory in history, idealistic approach to history, theory and facts, methodology of history, ideology, theory of history, truth in history, ideology, theory, past.

Проблема теории в истории рассматривается давно, и ее решение определяется мировоззренческой позицией исследователей. Граница проходит по не модному ныне разделению на материалистов и идеалистов. Материалистически ориентированные ученые, а их и сегодня большинство, считают роль теории вторичной. Идеалисты отводят теории решающую роль в историческом познании и конструировании.

Цель данной работы – с идеалистических позиций проанализировать роль и значение теории не только в научном историописании, но и других формах создания прошлого. Идеалистический подход к истории рассматривает ее как изменение жизни человеческого общества во времени в результате действий человека, определяемых идеями, вырабатываемыми индивидуальным человеческим сознанием.

ЧТО ТАКОЕ ТЕОРИЯ

В самом общем виде теория – это наше представление об объектах реального и идеального мира. С помощью наших теоретических представлений сознание способно проводить различные операции с этими объектами, в том числе невозможные в реальном мире, например: производить обобщения, вырабатывать понятия и категории и манипулировать с ними. Теория – это система идей, объясняющая объективный реальный и субъективный идеальный мир и создающая их образы. Теория – это то, с чем мы подходим к эмпирическим ощущениям, то, при помощи чего воспринимаем и обрабатываем опыт. Без теории он предстал бы перед нами в виде хаоса образов и ощущений. Это был бы, выражаясь кантовским языком, мир-для-себя. Теория позволяет превратить его в мир-для-нас.

Теория не только упорядочивает хаос внешнего мира в сознании, она применяется уже на стадии восприятия события. Содержание того, что мы воспримем, и его форма зависят от идей, которые господствуют в сознании и оформляют воспринятое в образы.

Поскольку мир состоит из огромного числа явлений настоящего, а также идеально существующих в сознании событий прошлого и будущего, то теория призвана привести их в такой вид, который мог бы быть понят нашим разумом. Мы можем оперировать очень малым количеством информации, имеем ограниченный объем памяти и множество ограничений по восприятию. Но даже имеющуюся информацию не способны обработать в полном объеме, поэтому сознание вынуждено сокращать ее объем, подводя похожие события под одну категорию или понятие, пренебрегая многими важными в другой ситуации отличиями. Теория упрощает воспринимаемый нами мир, упорядочивает его и благодаря этому делает понятным для нас.

В качестве теории можно рассматривать системы идей различного уровня, начиная с мировоззрения, которое есть всеобщая теория мира, и заканчивая конкретным предметом, например теорией атома.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ПРЕДЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Самой крупной теоретической системой является мировоззрение человека. Именно его главные идеи определяют все остальные теоретические конструкции, включая исторические.

Любое мировоззрение всегда тотально и претендует на истину в последней инстанции, а это значит, что истина может существовать только в рамках конкретной мировоззренческой системы. Так, в научном мировоззрении истина – это соответствие знания объекту, а в религиозном – Бог. Поскольку мировоззрение является предельной теоретической системой, то оно становится основой здравого смысла и определяет очевидные с позиций данного мировосприятия вещи.

Прошлое входит в картину мира человека, и каждое мировоззрение стремится создать свой образ минувшего. Прошлое целиком создается человеческим сознанием, потому что того прошлого, которое описывает историк, в настоящем не существует. При этом для создания образа минувшего он использует только элементы настоящего, поскольку иных в реальности не существует. Как прошлое они являются нам только в нашем сознании.

Главные теоретические идеи, создающие прошлое, определяются господствующим мировоззрением. Теория мифологического мировоззрения – это миф, религиозного – Священное Писание и Предание. Научная теория определяется основными идеями рационалистического мировоззрения.

Большой интерес история вызывает на переломе эпох, когда одно мировоззрение сменяется другим. В этот период создается новый образ прошлого и пишется новая история, которая исходит из мировоззрения, идущего на смену прежнему господствующему мировосприятию. Вспомним, что в годы перестройки разочаровавшиеся в коммунизме люди зачитывались вариантами прошлого, созданного с либеральных позиций, и признавали ложным его предшествующий коммунистический вариант. Как только в 2000-е гг. начался отказ от либерального мировоззрения, истории, написанные с либеральных позиций, стали признаваться очередным очернением нашего прошлого.

Сегодняшнее господство научной истории – явление историческое, то есть переходящее. Научная история сменила историю религиозную. И сменила не потому, что появились какие-то факты, опровергающие религиозную теорию, хотя это часто представляют именно таким образом. Сначала рухнула вера в Бога, а затем уже потерпел крушение религиозный образ прошлого; то же самое произошло и с советской историей – сначала рухнула коммунистическая идея, а потом перестали верить в коммунистическую историю. Либеральный вариант истории одержал победу только тогда, когда коммунизм перестал быть доминирующей теорией. Именно сомнения в теории привели к сомнению в образе прошлого, построенного на основе этой теории, а не наоборот. Невозможно сомневаться в истинности марксистской истории, если смотришь на нее сквозь призму марксистской теории.

Только когда на нее начинаешь смотреть сквозь иные теоретические очки, тогда она начинает представляться ложной.

Мировоззрение не герметично, и в него проникают иные идеи, которые и подрывают существующие в его рамках исторические теории. Например, мощный удар по религиозному мировоззрению был нанесен гелиоцентрической идеей Коперника. Эта идея не могла родиться в рамках религиозного мировоззрения, она была привнесена из античных нехристианских концепций. Без первоначальной гипотезы о том, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот, не мог состояться и поиск доказательства этой гипотезы. Теория в форме гипотезы всегда предшествует проверке фактами.

Базовое мировоззрение меняется достаточно редко. В современной западной цивилизации базовым мировоззрением является рационалистическое; его научная версия насчитывает не более четырех веков, а господствующим оно стало сто-двести лет назад, и то не повсеместно и не во всех слоях общества. Когда на смену рационалистическому мировоззрению придет другое (а это обязательно произойдет, если человечество не остановится в своем творчестве), тогда обесценится и образ прошлого, созданный с позиций рационалистического мировосприятия. Образы прошлого, написанные с его позиций, перестанут быть историями и перейдут в разряд памятников исторической мысли или историографических фактов, так же как это случилось с историей, написанной с религиозных позиций.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Теория всегда предшествует составлению образа прошлого. Историческая теория, часто заимствованная у других наук, позволяет воспринять хаос свидетельств прошлого в доступной для сознания форме. К. Хюбнер считает, что историк стремится «представить исторический материал как единое целое и привести аксиоматические, нормативные и оправдательные принципы а priori в гармоническое соответствие с остальными принципами данного многообразия. Таким образом, историк выводит свои принципы из других областей и сфер жизни, в которых они по каким-то причинам кажутся ему оправданными, и применяет их к своей предметной области» [Хюбнер, 1994, с. 265–266].

Историческая теория – это способ представления в доступной человеческому сознанию форме многообразного прошлого путем его обобщения, упрощения, выделения главного и других методов создания убедительного образа минувшего. Теория определяет и набор методов, с помощью которых допускается строительство образа прошлого. Этот набор постоянно расширяется. Сначала это был опрос свидетелей события, потом чтение документов и свидетельств, сегодня в него включены легенды, мифы, сказки, радиоуглеродный метод, метод подсчета колец деревьев и пр.

Образ прошлого создается из хаоса фактов при помощи теории. От нее зависит вся создаваемая историком конструкция. Так, из истории, написанной на основе

марксизма, можно вывести все его законы, но в либеральной истории их уже не обнаружишь, потому что ее фактура выстроена на иной теоретической базе.

Теория вынуждена идти по пути обобщения событий прошлого. Чем крупнее создаваемые понятия, чем большую сферу событий, явлений и процессов они охватывают, тем беднее становятся фактически. За объемность созданного образа мы платим его теоретичностью, а значит, неустойчивостью, временностью, поскольку при смене теории (а они в нашу эпоху могут смениться два-три раза за жизнь одного поколения) этот образ становится ложным и подлежит замене. Вспомним, какие титанические усилия были приложены советскими историками для создания образа Октябрьской революции 1917 года. С обесценением коммунистической идеи этот образ потерял свою убедительность.

Разочаровавшись в теории и отождествив ее с идеологией как искаженным представлением о реальности, некоторые современные историки попытались отказаться от использования теории, но не смогли этого сделать. Как пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев: «Конечный результат работы историка – исторический дискурс, даже самый “простенький” – содержит в явном или неявном виде огромное количество теоретических концепций, на которые имплицитно опирается историк... исторический дискурс настолько “пропитан” теорией, что многие историки просто не замечают этого» [Савельева, Полетаев, 2008, с. 224].

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ТЕОРИИ В ИСТОРИОПИСАНИИ

Теория как идеальное представление об объектах реального и идеального мира существует во многих формах, начиная с языка и заканчивая понятиями, категориями, обобщениями. Если историк не пользуется какой-либо социально-политической или исторической концепцией, не значит, что он вообще не использует теорию. Самую главную теоретическую рамку, через которую историк смотрит в прошлое, составляет его мировоззрение, от которого он никогда и ни при каких обстоятельствах отрешиться не может.

Среди историков и философов довольно много тех, кто считает, что теория предшествует истории [Про, 2000, с. 192]. Признание главенствующей роли теории в создании образа прошлого ведет к снижению ценности исторической эмпирики. Р. Коллинз пишет: «Великим историком, работы которого привлекают внимание широких кругов, делает способность создавать теорию, показывать более общую схему, скрытую под грудой рассказанных частных фактов. Менее значительны обычно те историки, которые оперируют наивными, принятыми как данность концепциями или старыми теориями, вошедшими в обычный дискурс» [цит. по: Розов, 2001, с. 22].

Теория является платоновской формой образа прошлого, в которую укладываются факты, являющиеся его содержанием. Теория играет определяющую роль в историях, созданных на основе мифов, религии, а также иных образов прошлого без использования

фактов либо с ограниченным их использованием. В научной истории теория также играет главную роль, поскольку именно она формирует образ прошлого, подкрепляя его фактическим материалом. Но господство теории здесь не безгранично, и если факты «сопротивляются» встраиванию в теоретическую форму, теорию приходится менять.

Факт придает убедительность образу прошлого, изначально основывавшемуся на личном воспоминании. Без факта в рамках научной истории не может быть создано убедительно-го образа прошлого. Тем не менее, роль теории и в создании научной истории определяющая. Теория выполняет интегрирующую функцию, то есть объединяет все свидетельства о прошлом, отводя при этом каждому из них свое место в образе прошлого.

Не все теории способны создать единый образ прошлого. Например, мифологическое мировоззрение не создает единой картины мира, потому что в нем слишком много действующих сил и лиц, от которых зависит прошлое и настоящее: боги, полубоги, люди, стихии. Каждый бог ответственен за свой участок реальности, в его сферу ответственности периодически вмешиваются другие боги и люди, они враждуют между собой. На основании такой теории невозможно создать цельный образ упорядоченного прошлого. Только христианство привнесло единство в картину прошлого. Единство Бога обеспечивало единство истории.

В материализме единство истории обеспечивается единством материальных условий жизни людей, в марксизме — единством экономического базиса человечества, концепция прогресса видит единство в общности пути, по которому идет мир. Эволюционная теория, заимствованная из биологии, тоже предусматривает внутреннее единство человечества. Некоторые концепции, например цивилизационная, не предусматривают единства истории.

Важную роль играет теория и в процессе надления прошлого смыслом, придающим необходимость историческим знаниям и опыту для человека. Д. Тош считает, что «самые амбициозные теории стремятся объяснить не просто, каким образом происходят изменения в истории, но и определить направленность этих изменений; цель этих теорий — дать представление о судьбах человечества, наделив историю смыслом» [Тош, 2000, с. 187–188].

В зависимости от содержания теории наше прошлое может стать источником знания о настоящем или даже о будущем. Конечно, если исходить из того, что историческая ситуация никогда не повторится, тогда пытаться найти в прошлом что-то полезное для сегодняшнего дня бесполезно. Но если прошлое есть производное от действия каких-то объективных сил, например природы, тогда изучение прошлого дает возможность выявить те факторы, которые будут действовать и завтра, а значит подскажет, как правильно вести себя сегодня, чтобы обеспечить более благоприятное будущее.

Выдающуюся роль теория играет в определении движущих сил развития человечества. Как пишет Д. Тош: «Теория необходима — при анализе исторических перемен. Историки уделяют основное время объяснению перемен или их отсутствия» [Тош, 2000, с. 187]. Если причины исторических изменений лежат в сфере экономики, как

это утверждает марксизм, тогда она становится главным объектом исследования. Если в основе развития лежат какие-то климатические, географические и т.п. факторы внешней среды, тогда внимание историка и читающей публики обращается на них. Во всех этих случаях история предстает разной, прошлое различается до полного отрицания иных его вариантов. «Двигатель» истории всегда находится в теории, а не в фактах, ими он только подтверждается.

Смена теорий приводит к тому, что картины прошлого обрекаются на недолгое существование в качестве последнего по времени образа минувшего, а затем переходят в область историографического факта. Сегодняшний век теории короток, поэтому образы прошлого не задерживаются в фокусе внимания читающей публики, включая и специалистов. Конечно, они обязаны знать то, что писали их предшественники, но признавать за ними истину, которую те якобы нашли, не обязаны; более того, никто ее там, в свете очередной современной теории, и не увидит.

Теорию часто отождествляют с идеологией. Это неверно, поскольку теория шире идеологии. Идеологическая обусловленность многих исторических оценок стала очевидна для историков уже в середине XVIII в. Понимание влияния главных социально-политических идей на образ прошлого пришло в XIX в., а позднее, в XX в., это влияние приобрело негативную окраску.

Четко сформулированные идеологии XX в. порождали столь же отчетливо очерченные образы прошлого. Влияние теории на образ прошлого было настолько очевидно, что многим стало казаться, что стоит отказаться от идеологии, как можно будет найти историческую истину. Но идеология — это всего лишь ясно выраженная теория, без которой не может обойтись ни один историк, и если он отказывается от ясно выраженной теории, то значит, будет руководствоваться неявно выраженной. Ближе к истине в результате этого он не станет, но его образы прошлого приобретут расплывчатость, станут неубедительными. Такие образы всегда проигрывают по сравнению с идейно определенными текстами, не переставая при этом быть теоретически нагруженными. Как пишет Х. Уайт: «По-видимому, в каждом историческом описании реальности действительно существует нередуцируемый идеологический компонент... даже работы тех историков и философов истории, интересы которых были явно неполитическими, таких как Буркхардт и Ницше, имеют специфический идеологический подтекст» [Уайт, 2002, с. 41, 46].

Отказавшись от ясно сформулированной теории в форме идеологии, историк не отказывается от теории вообще, он начинает руководствоваться своим мировоззрением, которое еще более теоретично, чем любая идеология, потому что основывается на самых общих, абстрактных идеях, таких как Бог, справедливость, любовь, свобода и иные. Все они историчны, временны. Историк и в этом случае не создает вневременной объективной истории, он создает такую, которая может быть написана только в это конкретное время, и она тоже основывается на теоретических позициях, несмотря на то что историк этого не осознает.

Теории сменяли и будут сменять друг друга, пока не иссякнет человеческий гений, а вместе с ними будет меняться и образ прошлого, выстраиваемый на их основе.

СОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Создание исторической теории как представления о прошлом — многоступенчатый процесс, начинающийся с самой общей картины мира, определяемой главными идеями мировоззрения, господствующего в данном обществе и в данное время. Это то мировоззрение, которое формирует историческую эпоху: мифологическую, религиозную, рационалистическую, научную.

По мнению В.С. Стёпина, алгоритм создания теории в рамках научного мировоззрения следующий: «Генерация нового теоретического знания осуществляется в результате познавательного цикла, который заключается в движении исследовательской мысли от оснований науки, и в первую очередь от обоснованных опытом представлений картины мира, к гипотетическим вариантам теоретических схем. Эти схемы затем адаптируются к тому эмпирическому материалу, на объяснение которого они претендуют. Теоретические схемы в процессе такой адаптации перестраиваются, насыщаются новым содержанием и затем вновь сопоставляются с картиной мира, оказывая на нее активное обратное воздействие» [Стёпин, 2000, с. 286]. Данный вывод был сделан на основе исследований развития физики, в которой действительно под воздействием изменения частных теорий происходит корректировка картины физического мира. В исторической науке этого не наблюдается. Роль теории в истории значительно больше, чем в естественных науках, поэтому под влиянием фактов она мало меняется.

В рамках мировоззрения могут существовать частные теории, определяющие образ прошлого. Особенно богат на эти теории период рационалистического, научного мировоззрения. Примерами таких теорий являются позитивизм, марксизм, либерализм, фашизм и другие.

Образцом масштабной исторической теории можно считать исторический материализм. Д. Тош пишет: «Подлинной причиной сильной привлекательности марксизма является то, что он прекрасно отвечает потребности историка в теории... Марксистская модель “базис/надстройка” представляет собой весьма полезный способ постижения всей совокупности социальных отношений в любом конкретном обществе» [Тош, 2000, с. 204]. Связность и целостность марксистской истории обеспечивается глубочайшей проработкой марксистской теории, которой на протяжении 75 лет занимались на государственном уровне десятки исследовательских коллективов.

Наряду с большими, всеобъемлющими идейными системами существуют и частные теории прошлого, такие как историческая школа Ранке, историософия Гегеля, школа Анналов, теории создания наций и другие. Частные теории обычно не претендуют на создание глобальной истории и ограничиваются конструированием образа отдельных фрагментов прошлого. Кризис «больших» историй XX в. вызвал к жизни также множество исторических концепций, лежащих в основе образов прошлого отдельных сторон жизни человеческих общностей, таких как микроистории, гендерная, интеллектуальная история и другие.

В. Стёпин утверждает, что «фундаментальные теории не являются продуктом индуктивно-го обобщения опыта, а создаются вначале за счет трансляции концептуальных средств, заимствованных из других областей теоретического знания, и только затем обосновываются опытом» [Стёпин, 2000, с. 280]. Действительно, иногда в качестве исторической теории берется какая-либо удачная концепция из другой научной области, например, механистическая и эволюционная теории, взятые из физики и биологии соответственно. Постмодернизм — взгляд на прошлое с позиций лингвистики и семиотики.

ФАКТЫ И ТЕОРИЯ

Опора на факты отличает научную историю как способ создания прошлого от мифа, сказки, легенды, которые могут быть не связаны с реальными событиями прошлого, а являться продуктом одного лишь воображения. Привязанность к факту является отличительной чертой и обязательным признаком научной истории.

Исторический факт — это теоретически осмысленное историческое событие или свидетельство о нем. А.Ф. Лосев полагал, что история как наука — это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)» [Лосев, 1991, с. 129]. Создать факт — значит понять его, обработав теорией.

Из эмпирических исторических данных, поскольку они индивидуальны и неповторимы, невозможно вывести какую-либо научную модель, но подогнать их под определенную теорию вполне возможно. Донаучное мировоззрение обычно подгоняет события прошлого под мифы своего народа, научное — под существующие социальные, политические, культурологические теории. Именно эти теории и являются теми априорными формами, в которые историк «укладывает» исторические факты.

Поскольку прошлой реальности уже нет, то проверить полученную картину можно лишь попытавшись уложить в эти формы все доступные факты. В современной истории фактов очень много, и всегда есть большой массив данных, противоречащих любой применяемой теории. Как утверждает П. Фейерабенд: «Ни одна теория никогда не согласуется со всеми известными в своей области фактами» [Фейерабенд, 1986, с. 143]. Поэтому историк может какое-то время не обращать внимание на эти данные, но если их количество и качество превысит некоторый предел, то историк вынужден будет искать новую теорию. Если свидетельств мало, как это часто бывает в Древней истории, тогда даже один факт может опровергнуть принятую теорию и образ прошлого, созданный на ее основе.

Можно ли найти в исторических фактах нечто большее, чем в них заложено той теорией, с помощью которой они были сформированы? В конце 1990-х гг. в своей докторской диссертации на основании применения количественных методов при обработке данных я пришел к выводу, который противоречил тогдашнему мейнстриму,

гласившему, что репрессии принесли непоправимый урон боеготовности Красной Армии. Мой вывод заключался в том, что последствия были отрицательные, но не катастрофические. Этот вывод отвергал теорию о том, что в проигрыше начального периода войны виноваты репрессии, но не давал взамен никакой новой теории, поскольку из тех цифр она не следовала. Мне пришлось просто вернуться к теории сталинского периода о том, что причинами неудач 1941 г. была стратегическая внезапность нападения фашистской Германии на СССР.

Можно, конечно, утверждать, что более прозорливый взгляд смог бы создать какое-то теоретически новое знание, но и сейчас, по прошествии лет, перелистывая страницы рукописи, я не вижу возможности создания новой теории из тех исторических данных. Думается, что можно согласиться с утверждением П. Фейерабенда о том, что «теории проверяются и, быть может, опровергаются посредством фактов. Факты содержат в себе идеологические компоненты – старые воззрения, которые давно исчезли из поля нашего зрения и, возможно, никогда не были сформулированы в явном виде» [Фейерабэнд, 1986, с. 211].

Прошлое проектируется на основе теории, затем заполняется фактами, которые сами по себе груда сырого материала, из которой цельной картины прошлого не составить. Как пишет Д. Тош: «Возможность того, что теория «вытеснит» факты, несомненно, следует воспринимать всерьез. Пробелы в сохранившихся свидетельствах, и особенно отсутствие убедительных данных в вопросах причинности позволяют весьма вольно выдвигать абстрактные предположения и выдавать желаемое за действительное. В то же время объем данных по многим научным проблемам столь велик, что отбор становится неизбежным – и принципы этого отбора могут исказить результаты исследования. Источников по истории последних столетий так много, и они такие разные, что от характера «допроса», который может им учинить историк, во многом зависят ответы... В доказательство почти любой теории можно представить впечатляющий набор отдельных примеров, вписывающихся в желаемую схему» [Тош, 2000, с. 189]. Выход Тош видит в повышении «уровня проверки теорий», но при этом не поясняет, как это можно сделать, если все теории фальсифицируемы.

Современная наука постепенно пересматривает свое отношение к факту. Так, К. Хьюбнер считает, что даже в физике «нет фактов, которые могли бы выполнять роль беспристрастного арбитра; следовательно, фактами нельзя ни обосновать, ни опровергнуть теорию. И принятие, и отвержение теории, таким образом, связаны с внеэмпирическими решениями» [Хьюбнер, 1994, с. 66]. С ним согласен и К. Поппер. Он пишет, что одни исторические теории, подтвержденные фактами, не могут считаться более истинными по отношению к другим, поскольку «если какая-то точка зрения оказывается плодотворной и в ее свете могут быть упорядочены и интерпретированы многие факты, то это ошибочно принимается за подтверждение или даже за доказательство “концепции”» [Поппер, 1993, с. 91].

Теории не выводятся из фактов, их там нет, также как в треугольнике нет теоремы Пифагора. Теория – это идеальная конструкция, позволяющая упорядочить хаос

внешнего и внутреннего мира человека и представить его в понятном для сознания виде.

Теория, как утверждает Р. Арон, «предшествует истории» [Арон, 2000, с. 288], предшествует фактам. Так, В.О. Ключевский пишет, что «когда Соловьев начинал писать первый том своей “Истории России”, процесс русской исторической жизни, как он понимал его, уже представлялся ему вполне ясно и оставалось только изложить его в подробностях...» [Ключевский, 1989, с. 138]. Теория С.М. Соловьева перехода от родового быта к государственному предшествовала фактам, и образ российского прошлого был у него уже создан, оставалось его наполнить фактурой.

Историк, начиная искать, собирать, отбирать и анализировать факты, уже имеет определенную теорию, иначе вся его работа с первоисточниками будет бессмысленна и бесцельна, он ничего не сможет отобрать. По мнению Р. Коллингвуда, не источник определяет мышление историка, а «картина прошлого, принадлежащая историку и представляющая собою продукт его априорного воображения, определяет выбор источников в его работе» [Коллингвуд, 1989, с. 233]. Иное дело, что факты могут влиять на теорию, они могут противоречить первоначальной теории и заставить историка начать искать другую теорию, либо он вынужден будет создать совершенно новую концепцию, но выводить ее он будет не обязательно из исторических фактов.

В Новой истории фактов почти всегда больше, чем их может собрать и проанализировать историк. Из одних и тех же фактов при применении разных теорий получаются различные, порой противоположные истории. История с коммунистических и религиозных позиций — это различные истории. Иная история получается и с либеральных позиций. При этом историк не подтасовывает факты, их отбор и важность определяет исключительно применяемая теория. Например, явление иконы перед битвой не будет упомянуто материалистом, а в труде религиозного историка станет главным фактом, на который он сошлется для доказательства Божественного вмешательства. П. Рикёр считает, что именно «благодаря историку история отбирает, анализирует и связывает между собой только важные события» [Рикёр, 2002, с. 40].

Теорию трудно опровергнуть фактами, поскольку у историка всегда найдется не меньше контрфактов. Прежняя история рушится не под влиянием фактов, а под влиянием новых исторических теорий, которые, опираясь на другие факты, становится более убедительной в глазах ученого и читающей публики, чем прежний образ прошлого.

Когда фактов мало и история выстраивается на основе одного-двух, пусть даже и достоверных фактах, то она так неполна, так заполняется воображением историка, что даже эти несколько фактов не играют решающей роли в построении образа прошлого, поскольку все остальное пространство прошлого заполняется историком чаще всего по аналогии с подобными обществами исследуемого времени, о которых есть достаточно фактов, либо на основе собственного опыта. Решающую роль в таком построении играет теория, которая позволяет заполнять лакуны, необъясненные фактами, за счет теоретических построений.

Иногда единичный факт может выступать в роли теории. Например, для создания огромной историографии Атлантиды оказалось достаточно греческого предания, пересказанного Платоном, о некогда существовавшем огромном плодородном густонаселенном острове в Атлантическом океане к западу от Гибралтара, из-за землетрясения опустившемся на дно. Сторонники этой теории находят убедительные для себя факты, вплоть до материальных, подтверждающие их концепцию.

«Велесова книга», признанная научным сообществом фальсификацией, породила многочисленные публикации на тему праславянской цивилизации, создала убедительный для националистической части населения образ прошлого, который живет и развивается на этой теоретической основе. Он не признан научным сообществом, но многие верят в него, и в их сознании он сосуществует наряду с образами прошлого, созданными научными теориями. В подтверждение его истинности находят факты, ведутся дискуссии, большими тиражами выходит литература.

Вообще-то, любая национальная история мифологична. В.Н. Топоров пишет, что уже «в первых образцах “исторической” прозы (хотя бы в условном понимании этой историчности) “историческими” признаются только “свои” предания, а предания соседнего племени квалифицируются как лежащие в мифологическом времени и, следовательно, как мифология» [Мифы народов мира, 1980, с. 572]. Образ прошлого играет слишком большую роль в картине мира современного человека, поэтому за него ведутся не только идейные, но и настоящие бои. В них выигрывает тот, кто создает более убедительные теории.

ОБОБЩЕНИЯ В ИСТОРИИ

Мыслить действительность во всем ее многообразии наше сознание не в состоянии. Обобщение — это та идеальная конструкция, создаваемая сознанием для сжатия, усвоения и оперирования значительной по объему информации. Обобщение позволяет сознанию экономить память и время в мыслительном процессе. Кроме этого, многие явления и процессы, а также совокупности однородных объектов невозможно мыслить не обобщенно. Конечно, за это платится своя цена — отвлекаясь от некоторых индивидуальных признаков, можно упустить что-то важное в процессе обобщения и оперирования с построенными на их основе типами, понятиями, категориями, законами. Без обобщений наше сознание не могло бы мыслить в привычной для нас экономической форме, а возможно, не могло бы мыслить вообще.

Н. Кареев считал, что обобщения в истории «имеют вид логических построений, да и на самом деле они очень часто строятся не индуктивным, а дедуктивным путем, не на основании действительного обобщения реальных данных, а на основании априорных соображений и абстрактных умозаключений» [Кареев, 1913, с. 183]. Действительно, обобщения зачастую создаются не на основе совокупности исторических фактов: априорно созданные сознанием, они применяются к этой совокупности. Употребление обобщений в истории облегчается еще и тем, что того индивидуального прошлого, на

основании которого создаются обобщения, уже не существует, поэтому так легко «бывшая реальность» подводится под понятия и категории иных эпох и народов.

История, включающая в себя огромное количество событий, явлений, процессов, в которых участвуют миллиарды людей, в принципе невозможна без обобщений. Любой исторический текст состоит по большей части из обобщений. Возьмем, например, начало «Повести временных лет»: «По потопе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Индия, Аравия Сильная, Колия, Коммагена, вся Финикия». Из 37 слов только «трое сыновей Ноя» «Сим, Хам, Иафет» «река Евфрат» не являются обобщениями, все остальные, включая стороны света и обозначения стран, — обобщения разной степени. Без использования обобщений написать этот абзац просто невозможно, поскольку надо было перечислить все реки, горы, долины, леса, населенные пункты, доставшиеся сыновьям Ноя. Можно согласиться с И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, которые утверждают, что «невозможно написать серьезное историческое исследование, не используя при этом никаких общих понятий, категорий, концепций или терминов, которые и являются генерализациями того или иного рода» [Савельева, Полетаев, 2008, с. 236].

Каждый исторический факт — это идеальная конструкция, и чаще всего обобщение. С этой точки зрения спор XIX в. о том, какая наука история — номотетическая или идиографическая, не имеет смысла. История оперирует по большей части обобщениями; вместе с тем, таких предельных обобщений, как законы (а именно они определяют науку как номотетическую), в ней до сих пор не обнаружено (за исключением некоторых исторических теорий, например марксистской, приверженцы которой отстаивают наличие исторических законов). Вместе с тем, история определенно не идеографическая дисциплина, поскольку хоть и имеет дело с уникальными событиями, тем не менее постоянно стремится подвести их под те или иные обобщения, без чего невозможно составить ни один внятный и пригодный для усвоения исторический образ события, явления или человека.

ПОНЯТИЯ В ИСТОРИИ

После изучения источников в сознании историка складывается определенный образ прошлого. Любой визуальный образ обладает множеством деталей, однако у него есть неустранимый недостаток — идеальный образ невозможно непосредственно передать другому сознанию, поэтому он преобразуется в текст. Применение в нем понятий и обобщений позволяет свернуть картины прошлого и превратить их в нарратив, то есть привести набор образов к такому формализованному виду, который можно закрепить за некоторыми понятиями и кратко описать с сохранением существенного для историка и его читателя содержания. Например,

характеристика, что А, В, С были консерваторами, позволяет не перечислять взгляды каждого из персонажей, а подвести их под одно понятие — консерватизм. Поэтому можно согласиться с Полем Венном, который утверждает, что «история является описанием индивидуального при помощи универсалий» [Вен, 2003, с. 156].

Историк, замещая понятиями большие фрагменты образов, пишет историю. История — это не те образы и картины прошлого, которые возникают у него в сознании при усвоении источников, а текст, созданный в процессе осмысления этих картин и перевода их с помощью понятий и обобщений в форму, способную передать обобщенное видение прошлого историком другим современным людям. Как считает А. Про: «понятие служит языковому удобству, позволяя экономить слова и время» [Про, 2000, с. 133].

Важную роль в формировании образов прошлого играет мировоззрение и опыт историка. У разных историков, имеющих различное мировоззрение, при чтении одного и того же источника могут возникнуть отличающиеся образы прошлого. Например, у историка-коммуниста картина расстрела царской семьи будет иметь образ праведного суда над главой эксплуататорского класса, тысячелетие угнетавшего народ, а у монархиста это будет трагическая картина убийства помазанника Божия. Причем ни того, ни другого нет в текстах первоисточников.

Описывая события прошлого, историк чаще всего пользуется современными понятиями, с помощью которых он, с одной стороны, встраивает свою историю в существующий исторический дискурс. С другой стороны, исторический дискурс «захватывает» и «усваивает» новый исторический текст. Вместе с импортом этих понятий в историю импортируется и та теория, на которой они были созданы. Все выдающиеся историки писали на понятном современникам языке и употребляли актуальные понятия и категории, поэтому их понимал массовый читатель.

История должна быть современной, потому что несовременная история уже содержится в источниках. История — это не то, «как было в самом деле», а то, как это видится историку из его сегодняшнего дня.

***

Мы всегда вынуждены смотреть на прошлое сквозь «очки» какой-либо теории; по-иному невозможно создать связный образ прошлого. Поскольку теории устаревают и отвергаются, то вместе с ними становятся неубедительными и отвергаются созданные на их основе истории. В ретроспективе историография предстает непрерывной чередой отвергнутых историй, порожденных заблуждениями, мифами, религией.

Понимание решающей роли теории в историописании позволяет идеалистическому подходу встать над теоретическим партикуляризмом и объявить все образы прошлого равнозначными и даже истинными в рамках той теории, на основе которой они были созданы. В этом случае перед нашим взором предстает не череда заблуждений наших предшественников, когда одна исторически ложная картина сменяла другую, а вполне объяснимая смена историй, определяемая сменой тех теорий, которые

лежали в их основе. Наши предшественники-историки не заблуждались, а создавали истории, единственно возможные с позиций разделяемых ими теорий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 5. С. 21–36. URL: http://e-notabene.ru/phzni/article_24058.html (дата обращения – 7 декабря 2018 г.).

Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.

Кареев Н. Теория исторического знания. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 320 с.

Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 7. 400 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия / Ред. С.А. Токарев. В 2 т. М.: Сов. Энциклопедия, 1980. Т. 1: А–К. 671 с.

Поль В. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.

Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с.

Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 188 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 336 с.

Реймон А. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 543 с.

Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М.: б/и, 2001.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008. 523 с.

Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.

Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального ун-та, 2002. 528 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.

Хьюбнер К. Критика научного разума. М.: ИФ РАН, 1994. 322 с.

REFERENCES

Gerasimov G.I. Idealisticheskij podhod k istorii [An idealistic approach to history], in *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2017. № 5. Pp. 21–36. Available at: http://e-notabene.ru/phzni/article_24058.html (accessed 7 December 2018) (in Russian).

- Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. M.: Ideya-Press Publ., 2002. 289 p. (in Russian).
- Kareev N. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1913. 320 p. (in Russian).
- Klyuchevskij V.O. *Sochineniya* [Works]. M.: Mysl' Publ., 1989. T. 7. 400 p. (in Russian).
- Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. M.: Nauka Publ., 1980. 485 p. (in Russian).
- Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. M.: Politizdat Publ., 1991. 524 p. (in Russian).
- Mify narodov mira*. Enciklopediya / Red. S.A. Tokarev. V 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia / Ed. S.A. Tokarev. In 2 vol.]. T. 1: A–K. M.: Sov. Enciklopediya Publ., 1980. 671 p. (in Russian).
- Pol V. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How to write a story. Epistemology experience]. M.: Nauchnyj mir Publ., 2003. 394 p. (in Russian).
- Paul R. *Istoriya i istina* [History and truth]. SPb.: Aletejya Publ., 2002. 399 p. (in Russian).
- Popper K.R. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. M.: Progress, 1993. 188 p. (in Russian).
- Pro A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve history lessons]. M.: RGGU Publ., 2000. 336 p. (in Russian).
- Raymond A. *Izbrannoe: Vvedenie v filosofiyu istorii* [Selected: Introduction to History Philosophy]. M.: PER SHE Publ.; SPb.: Universitetskaya kniga Publ., 2000. 543 p. (in Russian).
- Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and theory of history]. Book 1. Prolegomeny. M., 2001 (in Russian).
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [The theory of historical knowledge]. SPb.: Aletejya Publ.; M.: GU VSHEH Publ., 2008. 523 p. (in Russian).
- Styopin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. M.: Progress-Tradiciya Publ., 2000. 743 p. (in Russian).
- Tosh J. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The pursuit of history aims, methods and new directions in the study of modern history]. M.: Ves' Mir Publ., 2000. 296 p. (in Russian).
- White H. *Metaistoriya* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2002. 528 p. (in Russian).
- Fejerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. M.: Progress Publ., 1986. 543 p. (in Russian).
- Hübner K. *Kritika nauchnogo razuma* [Criticism of the Scientific Mind]. M.: IF RAN Publ., 1994. 322 p. (in Russian).